

Georgij Krasnow

Пути и перепутья ученого : (к 70-летию Базылия Бялокозовича)

Acta Polono-Ruthenica 6, 5-9

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Georgij Krasnow
(Rosja, Kołomna)

**Пути и перепутья ученого
(к 70-летию Базылия Бялокозовича)**

Польская славистика нового времени складывалась в сложных условиях. С одной стороны ее сильные корни проросли еще в XIX в. Одно имя Мицкевича говорит о многом. В первой половине XX в. пальму первенства в польской славистике не случайно держит Краковский университет. После второй мировой войны польская славистика оказалась между двумя центрами. Часть ученых тяготела к Парижу, другая часть – к Москве. Москва тогда естественно стремилась политизировать славистику, рассчитывая на новое поколение ученых, проводила отбор молодых людей для обучения в советских вузах. Так Б. Бялокозович в начале 1950-х гг. стал студентом Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, в котором была сильная научная школа особенно в области радиофизики, химии, биологии. На историко-филологическом факультете, где учился Б. Бялокозович, были такие известные ученые, как С. И. Архангельский, А. В. Миртов и др. Б. Бялокозович выделялся среди студентов своей общественной инициативой, организаторскими способностями. Он возглавил польское землячество (студентов-поляков, учившихся в разных вузах) в г. Горьком, успешно контактировал с посольством польской республики в Москве и преуспевал в учебной и научной работе. Результатом его активного участия в семинаре, посвященном творчеству Л. Н. Толстого, стала его курсовая работа *Лев Толстой и Польша* затем опубликованная в Ученых записках Горьковского университета (вып. XXIX, 1956).

В 1955 г. по указанию Министерства высшего образования СССР студенты-„иноземцы” были сосредоточены для обучения в нескольких вузовских центрах. Б. Бялокозович завершал образование в ЛГУ. Премником в его научном руководстве стал известный толстовед Б. И. Бурсов. В письме в мой адрес от 28 октября 1955 г. Б. Бялокозович сообщал: „Тема дипломной работы у меня следующая – *Лев Толстой и польское литературно-общественное движение*. Научный руководитель –

проф. Б. И. Бурсов. С ним я виделся и согласовал примерно следующий план работы:

Введение (критико-библиографический обзор).

I. Лев Толстой и культура Польши.

II. Лев Толстой и польская литература.

III. Лев Толстой и национально-освободительная борьба польского народа.

1) Польша и польский вопрос в художественном творчестве Толстого.

2) Вред толстовской теории непротивления и борьба с ней передовых польских деятелей.

IV. Лев Толстой в Польше.

Заключение.

Я очень доволен тем, что в Ленинградских библиотеках сравнительно много мемуаров, биографий, дневников и критической литературы о Л. Н. Толстом. С другой стороны, важно то, что над этой темой я уже работал раньше...”

Как видно, будущая дипломная работа отличается широтой охвата источников, проблематики, в которой в то время было не избежать темы о „вреде” толстовской морали... Однако главные аспекты сочинения были весьма актуальны.

Новая ленинградская атмосфера была очень важна и поучительна для молодого ученого. Он ее в одном из писем (от 29 декабря 1955 г.) сравнивал с горьковской: „Неоднократно в Горьком приходилось слышать такую точку зрения, что, мол, историко-филологический факультет Горьковского Университета не может идти ни в какое сравнение с филологическим факультетом Ленинградского или Московского Университета. Но это не совсем так. И да, и нет:

Да – потому, что ленинградская библиотека несравнимо больше, много различных материалов, документов, иностранной литературы, без чего иногда невозможно вести научную работу (это касается в первую очередь преподавателей и аспирантов). Кроме того, в Горьком, чтобы получить в областной библиотеке нужную книгу старого издания или же газету (примерно до 1948г.), необходимо специальное разрешение. (Я имею в виду студентов). В Ленинграде же никакого разрешения не надо. Конечно, в Ленинграде другой масштаб, ширь, высокий уровень культурной жизни... Очень часто приезжают делегации зарубежных стран и т. д. Все это имеет большое, однако не решающее, значение.

Нет – потому, что результаты учебы зависят прежде всего от самого студента. Здесь, конечно, большую роль играет умелая помощь со стороны преподавателей. В Горьком, по-моему, было больше непосредственной связи преподавателей со студентами, больше ответственности со стороны преподавателей. Гораздо лучше дело обстояло с дисциплиной. В организационном отношении историко-литературный факультет в Горьком стоит несравнимо выше филологического факультета в Ленинграде. Пожалуй, здесь отрицательно сказывается слишком большое количество студентов.

Преподаватели читают лекции в основном интересно и содержательно. Очень понравились мне лекции профессоров Б. И. Бурсова, Бялого, Томашевского, неплохо также читают Плоткин и Советов. Это, конечно, мое субъективное мнение”.

Безусловно, ленинградская, горьковская школы имели немалое значение. Но самоутверждение ученого так или иначе проявляется в своих оригинальных работах, в своей научной позиции. Возвращение Б. Бялокозовича в Польшу совпало с обострением политической обстановки. Известные события в Познани, события в Венгрии, диктат советского коммунистического режима вызывали ответную реакцию. Б. Бялокозович информировал, оценивал не простую обстановку в своих письмах-размышлениях. Письмо от 26 сентября 1956 г.: „Хочется сказать и о том, что у нас сейчас чрезвычайно интересно проходят заседания сейма. Депутаты по-деловому, творчески обсуждают внешнюю и внутреннюю политику польского правительства. Некоторые из них в своих выступлениях критиковали даже правительство, требовали ответов на многие волнующие их вопросы. Особенно много внимания уделено ответственности за нарушение социалистической законности. Только в течение последних буквально нескольких недель были сняты со своих постов пять польских министров, генеральный (гражданский) и военный прокуроры.

В Варшаве и других городах специально организованы клубы вопросов и ответов, на которых выступают члены Политбюро и ЦК.

Интересно также проходят партийные совещания, посвященные проблемам XX съезда.

В частности, в Союзе Польских Писателей такое собрание длилось несколько дней. В нем приняли участие члены Политбюро и правительства.

Все это в основном я оцениваю, несмотря на серьезные иногда перегибы, весьма положительно. Думаю, что это выйдет только на пользу для нашего дела”.

В Варшавском университете Б. Бялокозович начал с азов. Будучи ассистентом вел сначала спецсеминар по Некрасову, а затем по Толстому. Информация в его письме от 4 ноября 1957 г.: „В этом учебном году веду семинар (на III курсе) по творчеству Толстого (главным образом о *Войне и Мире*, т.е. *Война и мир*, ее художественные особенности и морально-общественные проблемы), так что наши горьковские семинары о Толстом мне очень понадобятся. Кроме того на спецсеминаре, конечно, будем обращать внимание на польские мотивы в *Войне и мире* и на польскую критику об этом произведении. Относительно последней я собрал интересный материал...”

Он отразился в новой его статье „*Война и мир*” в Польше (сб. „*Война и мир*” Л. Н. Толстого, Горький 1959), которая была предварительно обсуждена в московском музее Л. Н. Толстого и была поддержана Н. Н. Гусевым, Т. Л. Мотылевой. Таким образом накапливался материал для будущих изданий *Толстой в Польше* („Лит. Наследство”, т. 75, 1965), *Lwa Tolstoja związki z Polską* (1966) и др. В одном из отзывов по поводу упомянутой книги говорилось: „Б. Бялокозович в своей монографии о польских связях Л. Толстого впервые исследует эту проблему в ее полном объеме. В книге дополняются, исправляются или отвергаются положения и мнения исследователей, ранее работавших в этой области, что обусловлено прежде всего широтой документальной базы, на которой построена монография. Исследование польских мотивов и образов в произведениях Л. Толстого, личных и заочных контактов с поляками дает представление об эволюции польских интересов писателя на разных этапах его творческого пути, об огромной роли Л. Толстого в становлении и укреплении взаимных культурно-литературных связей России и Польши („Русская литература”, Ленинград, 1967, № 2).

Первые научные успехи, разочарование в общественной деятельности, вызванное не только польской ситуацией, определили и дальнейший выбор молодого ученого. „Теперь же, – сообщал он в то время, – я отказался от общественной нагрузки и решил заняться исключительно научно-дидактической работой”.

Это не означало отказа от научных дискуссий по актуальным вопросам о судьбах „социалистического реализма”, о методологии научных исследований и т.п. Не сразу налаживались доброжелательные рабочие контакты со своими коллегами. В то же время явно расширялся его кругозор, в котором были свои открытия. Одно из таких – свежее впечатление от встреч в Варшаве с В. Ледницким, профессором Калифорнийского университета. Письмо от 17 октября 1959 г.: „Это действительно

знаток своего дела, большой ценитель русской классической литературы. Для него произведения Л. Толстого, Тургенева, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Гончарова – это непревзойденные шедевры мировой литературы. В Калифорнийском университете он вел два спецкурса (Толстой и Достоевский), а также курс лекций по русской литературе конца XVIII и XIX веков, а также по истории взаимных литературных русско-польских связей. Довольно интересно то, что Ледницкий отрицательно оценивает различные модные современные литературные течения на Западе.

О статьях и работах Ст. Мацкевича по русской литературе он сказал, что они ничего серьезного из себя не представляют, слишком много там сплетен и глумления над русской классикой”.

Конечно, такого рода встречи вносили коррективы в более ранние представления о тех же ученых, возникали новые отношения, односторонняя полемика сменялась уважительностью. Она касалась не только зарубежных гостей. Польская славистика была на пути консолидации. Эта консолидация неплохо выразилась в работе над *Историей русской литературы* под редакцией С. Фишмана и М. Якубца.

Б. Бялокозович также предсказывал значимость новых трактовок явлений литературы и искусства. В одном из ленинградских писем он так откликнулся на нашумевшую в 60-е гг. театральную интерпретацию *Горя от ума*: „В Драмагическом Театре им. М. Горького смотрел постановку *Горя от ума* (реж. Г. А. Товстоногов и Р. Г. Агамирзян). Интерпретация довольно оригинальна и интересна. Постановка мне понравилась. Читал также рецензию Пиксанова („Нева”, № 2). Вопреки его мнению, мне кажется, осовременивание *Горе от ума* довольно удачно и правильно. Успех постановки, конечно, невероятно большой.

Хотелось бы очень попасть на *Дракона* Е. Шварца”.

Б. Бялокозович, как и другие его коллеги, был живым свидетелем и участником разных перестроек в системе высшего образования в Польше. В 70-е годы он много сделал полезного как ученый и администратор в Институте славяноведения Польской АН и в качестве редактора „*Slavia Orientalis*”, и как вице-президент МАПРЯЛа. Сосредоточив в последнее десятилетие педагогическую работу в Варминско-Мазурском университете в Ольштыне, содействовал его становлению как одного из авторитетных польских центров славистики, тесно связанного с Россией.